

Ольга Широква
Древнер "Живое слово"

Наверное, ничто так не обесценилось в нашем мире за последние годы, как слово. По сравнению с падением его ценности даже многострадальный рубль кажется устойчивым и надежным. Потеряна вера в слово как таковое, а его искренность, честность, действенность. Высокие чувства кажутся навсегда утраченными для современника в силу их невыразимости в слове. Высокие слова могут теперь вызвать лишь усмешку, недоверие, неприятие. А те, что были написаны ранее, если еще и могут восприниматься, то лишь один на один с книгой: силой воображения мы переносимся в то время, когда слово ценилось полной мерой и по этой мере судили его и читатели, и гонители.

Но даже один на один трудно сегодня понять писателей и поэтов поколения 30-х с их идеалами и романтизмом, догматизмом и нетерпимостью. Они представляются нам совсем чужими, представляются тем более легко, что в большинстве своем мы помним их по именам — как знаки. Обязательные стихотворения в школьной программе; обязательные комментарии к ним: патриотизм, лирика, зерность идеалам. В России всегда было много поэтов, даже великих, а уж хороших-то совсем много. И кажется, что может принести нового встреча с хорошей поэтессой, давно ушедшей из жизни, известной более всего своей героической работой на радио в блокадном Ленинграде и стихами той поры? Если читает стихи Ольги Берггольц актриса, о которой после успехов в уже полузабытом, тогда едином МХАТе тоже давно не говорят, — Ольга Широкова! И нужно ли нам сегодня в наших — и без того унижающих заботах — напоминание о чужих страданиях? Да еще высказанных впрямую, открыто, страданиях стороннего нашему нынешнему настроению и мировосприятию человека — когда мы столько знаем теперь и про Ленинград, и про блокаду, и вообще про все, о чем не могли и подумать тогдашние блокадники? И всему есть своя цена, а цену эту определяет рынок, а стоимость там — даже поэтическому слову — самая что ни на есть низкая.

И все оказывается не так, и даже совсем не так, и за 70 минут — время спектакля — перед тобой проходит страшная, радостная, невыносимая и состоявшаяся жизнь женщины, родившей-

ЖИВОЕ СЛОВО

Возвращение Ольги Берггольц

ся на сломе времен и близкой нам, на сломе времен живущим.

Малая сцена. Первый ряд зрителей сидит совсем близко — до них доносится дуновение воздуха, когда актриса разворачивает черный шелковый платок-шаль. Черная выгородка, маленькая худенькая женщина в черном вспоминает о своем прошлом. О радостном и светлом: снах, молодости, ощущении единства со своим городом, страной, о гордости народом, его мужеством. О своем горе, о несправедливости, страданиях, беде. Иногда ей легче говорить об этом не прозой, а стихами, многие вещи просто нельзя передать одной прозой. Тогда она читает стихи. Иногда то, о чем она рассказывает, так больно, что голос, кажется, не в силах вынести эту боль, вот-вот он прервется, но женщина берет себя в руки. Старается не нагружать на нас свою тяжесть. Когда совсем невыносимо — на секунду замолкает, закладывает волосы, сделав строгий пучок взамен свободно распущенных, и опять принимается за рассказ.

Она очень сосредоточена и погружена в себя, ей важно чтобы мы поняли, как это было на самом деле. Предельно искренна — правда, о многом говорит как бы вскользь: слишком тяжело. Но мы уже понимаем, догадываемся, что стоит за скупым словом. У нее удивительное свойство: даже зная о страшном, что будет потом, она не

может воспринимать и не передавать нам всю полноту радости, переполняющую ее сейчас. Чуть насмешливо вспоминает она себя — молодую и восторженную, но при этом не отказывается ни от этой восторженности, ни от своего молодого ощущения жизни и принятия этой жизни такой, какая она есть.

То, что развертывается перед нами, нельзя назвать блестящей, на грани чуда актерской игрой, потому что в этом нет игры. Эта та степень искренности и достоверности, причем в сочетании с высочайшим филигранным профессионализмом, когда сказанное действительно рождается прямо перед тобой, у тебя на глазах, и ты понимаешь, что оно оплачено всей мерой личной искренности и человеческой глубины актрисы. На этот спектакль надо ходить, чтобы испытать нечто похожее на счастье от чистоты и первоизначности высоких чувств и высоких слов, от восхищения человеческим и художественным мужеством поэта, превратившего безнадежность отчаяния в дарящую надежду радость полноты жизни, и восхищения актрисой, взявшей на себя все это бремя и донесшей до нас и это горе и эту радость.

До чего же мы расточительны и беспечны, если такая актриса вспоминается работами десятилетней давности, до чего мы ленивы и нелюбопытны, если такой поэт — просто одно из имен.

Когда речь идет о моноспектакле Ольги Широковой, то мы не случайно используем слово «спектакль». Это именно спектакль и еще и результат прекрасной режиссерской работы Александра Вилькина, которому принадлежит и организация текста пьесы, для чего были использованы как прозаические вещи О. Берггольц, так и, естественно, ее поэзия. Этот спектакль, посвященный 50-летию Победы, был специально подготовлен для театра «Живое слово», который открыл в этом году свой первый сезон. И хотя нельзя требовать от каждого спектакля чуда такой самоотдачи, пожелаем себе подобных чудес и, может быть, тогда уже следующее поколение заговорит на живом русском языке, веря в силу и могущество слова.

Татьяна РОМАНОВСКАЯ.